

УДК 343.9.01(73)

ББК 67.501

Д80

Дуглас, Джон.

Д80 Психологический портрет убийцы. Методики ФБР : [перевод с английского] / Джон Дуглас, Марк Олшейкер. – Москва : Алгоритм, 2016. – 432 с. – (Человек преступный. Классика криминальной психологии).

ISBN 978-5-906861-57-3

Один из авторов этой книги – Джон Дуглас – двадцать пять лет был спецагентом ФБР в Соединенных Штатах Америки, возглавлял до недавнего времени вспомогательный следственный отдел в этом Бюро. На его счету свыше тысячи расследованных дел, связанных с совершением тяжелейших преступлений, в том числе зверских серийных убийств, убийств, связанных с похищениями и сексуальной эксплуатацией детей в США.

Джон Дуглас рассказывает о работе своего отдела и, в частности, о плодотворном поиске преступников на основании разработанного ими метода – анализа профиля личности убийцы – по фотографиям с места совершения преступления. Джон Дуглас и его коллеги не только с точностью указывали на тип преступника, но и описывали его поведение после совершения преступления. Книга вооружает читателя опытом, за который многие герои этого печального повествования заплатили жизнью.

УДК 943.9.01(73)

ББК 67.501

ISBN 978-5-906861-57-3

© Джон Дуглас, Марк Олшейкер, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

ОТ АВТОРОВ

Выражаем глубочайшую благодарность всем, кто помог претворить этот труд в реальность. Первая команда, сложившаяся, когда мы готовили первую совместную книгу (выходила в России под следующими названиями: «Охотники за умами», «Как определить серийного убийцу. Из опыта сотрудника ФБР». — *Прим. ред.*), состояла из нашего редактора Лайзы Дрю и нашего агента Джея Эктона — двух человек, разделяющих одни и те же взгляды, умеющих подбодрить нас и поддержать на каждом шагу. Подобно им, нам помогала Кэролин Олшейкер, координатор нашего проекта, менеджер, генеральный советник, консультант редактора, наша опора, а для Марка — и близкий человек. Энн Хенниган, наш научный руководитель, стала незаменимым членом команды и внесла в работу огромный вклад. А еще нам стало ясно: только благодаря тому, как Мэри Сью Руччи помогала нам в издательстве, с поразительным искусством сочетая в себе качества компетентного специалиста и жизнерадостность, все шло так гладко и не выходило из-под контроля. Если бы не эти пятеро...

Хотим выразить глубокую признательность Труды, Джеку и Стивену Коллинзу, Сюзан Хэнд Мартин и Джеффу Фримену за то, что они поделились с нами историей Сюзанны. Надеемся, что, рассказав ее историю, мы укрепили их веру в нас. Кроме того, мы в долгу перед Джимом Хэррингтоном из Мичигана и прокурором округа Теннеси, Генри Уильямсом, — они поделились с нами своими

воспоминаниями и размышлениями, а также перед нашим ординатором Дэвидом Альтшулером, Питером Бэнксом и всеми сотрудниками Национального центра пропавших и подвергающихся эксплуатации детей — за их доброту, за то, что посвятили в свои исследования, за опыт и хорошую работу. Все мы стали лучше благодаря им. И наконец, как всегда, хотим поблагодарить всех коллег Джона из Квонтико, в особенности Роя Хейзлвуда, Стива Мардиджана, Грегга Мак-Крэри, Джуда Рея и Джима Райта. Они всегда будут неоценимыми первопроходцами, исследователями и надежными спутниками в путешествии во мрак и обратно.

*Джон Дуглас и Марк Олшейкер
Октябрь 1996 года*

Свобода каждого человека принимать решения за или против Бога, а также за или против человека должна быть признана, иначе религия окажется обманом, а просвещение — иллюзией. Свобода — предварительное условие и для того, и для другого: в противном случае их понимают неправильно. Однако свобода — это еще не все. Она — только часть истории и половина истины. Свобода — всего лишь негативный аспект явления, позитивный его аспект — ответственность. Есть опасность, что свобода вырождается в произвол, если не будет сочетаться с ответственностью.

Виктор И. Франкль, «Человек: поиски смысла»

По этим зловещим улицам должен ходить человек, который сам не зол, ничем не запятнан и лишен страха.

Реймонд Чандлер, «Простое искусство убийства»

Пролог. В душе убийцы

Это не голливудская версия. Она не облагорожена, не причесана, не возведена в ранг «искусства». Это то, что происходит на самом деле. Во всяком случае, в моем описании — далеко не худший вариант. Как бывало не раз, я погружаюсь в душу убийцы. Не знаю, кем окажется жертва, но я готов кого-нибудь убить. И немедленно.

Жена оставила меня одного на весь вечер, усвистала на вечеринку с подругами, лишь бы не торчать дома со мной. Впрочем, неважно: мы все равно постоянно ссорились, и этот день был ничем не лучше. И все-таки ссоры угнетали меня. До чертиков надоело такое отношение. Может, на самом деле она встречается с другими мужчинами, как моя первая жена. Та свое получила — испустила дух, упав ничком в ванну и захлебнувшись своей блевотиной. И поделом — она попортила мне немало крови.

Наши двое детей росли у моих стариков, и это тоже меня бесило — будто я сам не мог позаботиться о малышах! Некоторое время я просидел перед телеком, выдул пару упаковок пива, а потом добавил вина. Лучше от этого не стало. Настроение продолжало падать. Хотелось еще пива или чего-нибудь другого, и потому около девяти, а может, в половине десятого, я встал и двинул в «мини-март» возле комиссариата и затарился еще одной упаковкой «Музхэда». Затем, доехав до Армор-роуд, я остановился и долгое время просто сидел в машине, потягивая пиво и стараясь разобраться, что творится в душе.

Чем дольше я сидел так, тем сильнее меня грызла тоска. Совсем один. Живу на военной базе как иждивенец жены. Все мои знакомые — ее друзья. Дети — и те далеко. Когда служил на флоте, думал, что это поможет, но просчитался. Сейчас вынужден менять работу — одно гиблое место на другое. Я не знал, что делать дальше. Может, просто вернуться домой, подождать жену, выяснить, в чем дело? Все эти мысли вертелись в голове одновременно. Я не отказался бы поболтать с кем-нибудь прямо сейчас, но вокруг не было ни души. Черт возьми, ни одного знакомого, с кем можно было бы поделиться своими бедами! Меня окружала темнота. В ней чувствовалось что-то... манящее. Я остался один на один с ночью. Мрак делал меня неузнаваемым. И всеильным.

Я докатил до северной стороны базы и, продолжая потягивать пиво, остановился неподалеку от гаражей. «Черт побери, здесь машинам наверняка живется лучше, чем мне!» — подумал я. И тут увидел ее. Она пересекла проезжую часть и побежала трусцой по тротуару. Хотя уже совсем стемнело, я разглядел ее. Высокая, довольно симпатичная, лет двадцати, с длинными темно-русыми волосами, заплетенными в косу. Лоб ее поблескивал от пота... Да, весьма недурна. На ней была красная тенниска с эмблемой морской пехоты на груди и тугие красные шорты, подчеркивающие соблазнительную попку. Ноги ее казались бесконечно длинными. Ни капли жира. Эти милашки из морской пехоты в отличной форме — а все благода-

ря тренировкам и строевой подготовке. Такие дадут сто очков форы любому мужику.

Какое-то время я наблюдал, как упруго вздымаются ее грудки в ритме бега, прикидывая, стоит ли пробежаться вместе с ней. Меняхватило на то, чтобы сообразить: я далеко не в такой форме как она; к тому же пьян почти в стельку. Другое дело — поравняться с ней на машине, предложить подвезти к казарме, по пути поболтать.

Но тут меня охолонуло: вокруг нее, наверное, увиваются толпы крутых вояк, что общего у нее с таким парнем как я? Эти девчонки слишком высоко задирают нос; нас, простых смертных, и в грош не ставят... Как ни распинайся, отошьет в два счета. А я уже по горло сыт чужим пренебрежением. Наелся им на всю оставшуюся жизнь.

Нет, нахлебался дерьма, хватит, по крайней мере на сегодня. Буду просто брать все, что захочу, — это единственный способ чего-нибудь добиться. Этой сучке придется познакомиться со мной, плевать, по вкусу ей это или нет.

Я завел мотор, догнал девчонку и, потянувшись через пассажирское сиденье к окну, спросил:

— Простите, не скажете, далеко ли до другой стороны базы?

Она ничуть не испугалась, должно быть, потому, что разглядела на стекле карточку с эмблемой базы. Плюс к тому, наверное, была уверена, что справится с любым, раз служит в морской пехоте. Она остановилась, доверчиво приблизилась к машине. Склонившись к окну, она указала в обратную сторону и слегка прерывающимся после бега голосом объяснила, что мне придется проехать три мили. Она приветливо улыбнулась и побежала дальше.

Я понял: еще секунда, она скроется из виду — и я упущу свой шанс. Открыв дверцу, я выскочил из машины и бросился за ней. Я нанес сильный удар сзади, и она растянулась на асфальте. Я схватил ее. Она ахнула, поняв, что происходит, и начала отбиваться. Для женщины она оказалась довольно рослой и сильной, но я был почти на фут выше и на сотню фунтов тяжелее. Удерживая за руки, я с размаху вмазал ей по виску — так, что у нее из глаз, наверное, посыпались искры. Однако она по-прежнему отбива-

лась изо всех сил, колотила меня руками и ногами, чтобы вырваться. Ладно, за это она еще заплатится: я не позволю какой-то сучке так обращаться со мной!

— Отпусти меня! Убирайся! — вопила она. Я едва не задушил ее, чтобы подтащить поближе к машине. Затем я вновь ударил ее так, что она зашаталась, подхватил и втиснул в машину, на пассажирское сиденье. И тут заметил: к машине бегут двое мужчин, что-то крича. Резко повернув ключ, я сорвал «додж» с места.

Я понимал: первым делом надо оторваться подальше от базы, и направился к воротам возле театра — единственным, которые оставались открытыми в такое позднее время (я въехал через них). Я усадил девчонку поближе, словно подружку. Ее голова лежала у меня на плече — сплошная романтика. Должно быть, в темноте все выглядело правдоподобно, поскольку охранник даже не взглянул на нас, когда мы проехали мимо. Уже на Нэви-роуд она пришла в себя и вновь завопила, угрожая позвать на помощь полицию, если я не отпущу ее.

Со мной еще никто так не разговаривал. Но сейчас ее желания не имели значения — в отличие от моих. Ситуацию контролировал я, а не она. Я снял руку с руля и наотмашь хлестнул ее тыльной стороной ладони по лицу. Она заткнулась.

Я понимал: везти ее ко мне домой нельзя — моя старуха уже могла вернуться. И что же мне тогда — объяснить, что так я должен был поступить с ней, с женой? Нужно было найти место, где мы с этой сучкой останемся наедине, и где нам не помешают. Я должен чувствовать себя спокойно. Пусть мне будет все знакомо, и я буду знать, что могу сделать, как пожелаю, и меня никто не потревожит. Меня осенило. Доехав до конца улицы, я свернул в парк — парк Эдмунда Орджилла, так он назывался. Мне показалось, что девчонка снова очухалась, и я еще раз ударил ее в висок. Я проехал мимо баскетбольных площадок, мимо уборных и так далее в глубину парка, к озеру. Остановив машину на берегу, я выключил двигатель. Вот теперь мы остались вдвоем.

Схватив девчонку за рубашку, я выволок ее из машины. Она застонала в полуобмороке. Из раны возле глаза кровь текла по носу и губам. Я оттащил ее подальше от машины и бросил на землю, она сделала попытку подняться. Эта сучка до сих пор сопротивлялась. Пришлось навалиться на нее, оседлать и врезать еще пару раз.

Поблизости раскинуло ветки высокое дерево — какой уют и романтика! Теперь она моя. Все зависит только от меня. Я могу поступить с ней, как пожелаю. Я сорвал с нее одежду — кроссовки «Найк», тенниску, обтягивающие шорты и синий пояс для похудения. Она уже почти не сопротивлялась, выбившись из сил. Я раздел ее донага, снял даже носки. Она пыталась убежать или хотя бы увернуться, но напрасно. Теперь все зависело от меня. Я решал, останется эта сучка в живых или сдохнет, а если сдохнет, то как. Решения принимал только я. Впервые в жизни я чувствовал себя человеком.

Придавнив локтем ее шею, чтобы заставить девчонку замолчать, я начал с груди — с левой. Но это было только начало. Эта сучка еще получит то, чего никогда не пробовала. Я огляделся. Встал, потянулся и, схватившись за ветку дерева, сломал ее — длинную, около двух с половиной или трех футов. Это было нелегко — чертова палка в толщину достигала двух дюймов. Обломанный конец оказался острым, как наконечник стрелы или копья.

Еще минуту назад девчонка лежала как труп, но теперь вновь завопила во весь голос. Ее глаза выпучились от боли. Сколько из нее вытекло крови! Наверняка она была еще нетронутой. Она перестала отбиваться, только визжала.

Вот тебе за всех баб, которые смешали меня с дерьмом, мысленно повторял я. За всех, кто водил меня за нос. За всю мою жизнь — пусть теперь для разнообразия помучается кто-нибудь другой! Но она уже давно затихла.

Когда агония кончилась, и безумие миновало, я вдруг успокоился. Отстранившись, я оглядел ее. Она лежала совершенно тихо и неподвижно. Ее тело было бледным и обмякшим, словно пустая оболочка. Я понял: она испустила дух, а я впервые за чертовски долгую жизнь наконец-то

ожил. Это и есть представить себя на чужом месте, знать и жертву, и преступника и вообразить, какой была их встреча. Это итог многих часов, проведенных в тюрьмах и колониях, когда сидишь за столом и слушаешь рассказы о том, что произошло в действительности. Выслушав преступника, начинаешь понемногу собирать воедино обломки. Само преступление взывает к тебе. И никуда от этого не деться, если хочешь добиться успеха.

Этот метод я описал журналистке, которая недавно беседовала со мной, и она воскликнула: «Нет, о таком я не в состоянии даже подумать!». Я ответил: «Лучше подумать заранее, если хотим перестать сталкиваться с подобными ужасами».

Если вы поняли меня — не на академическом, интеллектуальном уровне, а почувствовали сердцем, интуицией, — тогда, возможно, нам не придется долго ждать перемен. Я описал собственную версию событий, произошедших ночью 11 июля 1985 года и ранним утром 12 июля — в день, когда младший капрал морской пехоты США Сюзанна Мари Коллинз, образованная, любимая, жизнерадостная, красивая девятнадцатилетняя девушка погибла в общественном парке близ авиационной базы ВМС в Мемфисе, к северо-востоку от Миллингтона, штат Теннесси. Младший капрал Коллинз, рост пять футов семь дюймов, вес сто восемнадцать фунтов, покинула казарму, отправляясь на вечернюю пробежку, приблизительно в десять часов вечера и не вернулась. Ее нагое и изуродованное тело было обнаружено в парке после того, как она пропустила утреннюю поверку. Причинами смерти было названо продолжительное удушение руками, нанесенная тупым оружием травма головы и сильное внутреннее кровотечение, вызванное острым обломком ветки дерева, вонзенной в ее тело так глубоко, что оказались разорванными органы брюшной полости, печень, диафрагма и правое легкое. Двенадцатого июля она должна была закончить курс обучения авиационной радиоэлектронике, приблизившись к своей заветной мечте — стать одной из первых женщин-летчиц в ВМС.

Подобное занятие, попытка представить себя на месте преступника, — тяжелейший, мучительнейший опыт, но именно этим мне приходится заниматься, чтобы получить возможность увидеть преступление глазами обвиняемого. Я уже представлял его себе с точки зрения жертвы, и это оказалось почти невыносимо. Но такова моя работа в роли, которую я отвел самому себе, — первого штатного аналитика профиля личности отдела науки о поведении Академии ФБР в Квонтико, Виргиния.

Обычно к моей группе — вспомогательному следственному отделу — обращаются для того, чтобы определить тип поведения преступника и стратегию расследования, которая помогла бы полиции выследить НС — неизвестного субъекта. Я участвовал в расследовании более 1100 подобных дел — с тех пор как прибыл в Квонтико. Но в этот раз, когда власти обратились к нам, они уже держали под стражей одного подозреваемого. Седли Эли — бородатый двадцатидевятилетний белый мужчина из Эшленда, Кентукки, ростом шесть футов четыре дюйма, весом 220 фунтов, работник компании по производству и обслуживанию кондиционеров воздуха, жил на базе как иждивенец своей жены Линн, проходящей срочную службу в войсках ВМС. Из Седли Эли уже вытянули признание — на следующее утро после убийства. Но его версия случившегося кое в чем отличалась от моей.

Сотрудники следственной службы воинской части вычислили подозреваемого по описанию машины, которое дали два бегуна и охранник, дежуривший в ту ночь у ворот. Эли объяснил, что, находясь в угнетенном состоянии после того, как его жена, Линн, ускакала на вечеринку, он выпил дома три упаковки пива (по шесть банок в каждой) и бутылку вина, а затем покатил на своем ветхом, полуразвалившемся зеленом джипе «меркурий» в «мини-март» возле комиссариата — купить еще пива.

Он сказал, что совсем опьянел, пока бесцельно колесил по улицам, и тут заметил симпатичную белую девушку в тенниске с эмблемой морской пехоты и шортах, перебегающую через улицу. Седли заявил, что вышел из машины, догнал девушку и завел разговор, но через несколько ми-

нут начал задыхаться после обильного спиртного и сигарет. Ему хотелось поделиться с ней своими бедами, но он понял: девушка не поймет его, поскольку они не знакомы. Он попрощался и уехал.

В состоянии сильного опьянения он, по его словам, с трудом вел машину, виляя из стороны в сторону. Он соображал: ему не следовало садиться за руль. Внезапно он услышал стук и почувствовал, как машина уткнулась во что-то. Он понял, что сбил девушку. Седли затащил ее в машину, уверяя, что отвезет в больницу, но она, по его словам, сопротивлялась, угрожала, что позовет на помощь, и его арестуют за управление машиной в пьяном виде. Он выехал с территории базы и направился в парк Эдмунда Орджилла, где остановил машину, надеясь успокоить девушку и отговорить ее от намерения привлечь его к ответственности.

Но и в парке, как утверждал Седли, девушка продолжала заявлять, что теперь он поплатится за все. Он велел ей заткнуться, а когда она попыталась открыть дверцу, схватил ее за тенниску, потом вылез со своей стороны и вытащил девушку из машины. Она по-прежнему кричала, что донесет на него в полицию, и пыталась вырваться. Поэтому Седли пришлось толкнуть ее и прижать к земле — чтобы помешать удрать. Седли Эли просто хотел поговорить с ней. А она продолжала вырываться — как выразился Седли, «извивалась». Наконец, он «на секунду забылся» и ударил ее по лицу — сначала один раз, затем еще несколько — ладонью.

Он перепугался — понял, что ему грозят неприятности, если она заявит в полицию. Седли пытался сообразить, как быть дальше, и метнулся к «меркурию» за отверткой с желтой рукояткой, которая понадобилась ему, чтобы завести машину, а когда вернулся, услышал, как кто-то убегает в темноту. В панике он развернулся и выбросил вперед руку, в которой по случайности оказалась зажата отвертка. В темноте он задел девушку — должно быть, отвертка ткнулась ей в висок, потому что девушка сразу рухнула на землю. Он совсем потерял голову и не знал, что делать дальше. Может, сбежать, вернуться в

Кентукки? И тогда он решил, что надо сделать вид, будто на девушку напали, изнасиловали и убили. Разумеется, он не занимался с ней сексом — и травма, и смерть ее были страшной случайностью. Так как же придать случившемуся вид нападения с целью изнасилования?

Он снял одежду с трупа, затем за ноги оттащил девушку подальше от машины, к берегу озера, и положил под дерево. Он хватался за соломинку, отчаянно желая выпутаться, как вдруг протянул руку, задел ветку дерева и, уже не задумываясь, сломал ее. Он перевернул труп и вонзил в него ветку — по его словам, всего один раз, лишь бы все выглядело, будто на нее напал маньяк. А потом бросился к машине, торопясь покинуть место убийства, и выехал из парка с противоположной стороны.

Генри Уильямс по прозвищу Хэнк, помощник прокурора округа Шелби, штат Теннесси, старался разобраться, что же произошло в действительности. Уильямс — один из лучших знатоков своего дела, бывший агент ФБР внушительного вида, лет сорока, с волевыми, будто высеченными из камня чертами лица, добрыми, чуткими глазами и преждевременной сединой. Ему еще не доводилось сталкиваться с такой чудовищной жестокостью.

— Едва заглянув в папку, я решил, что преступник заслуживает смертной казни, — вспоминал Уильямс. — Я не желал даже вести речь о смягчении наказания. Но, по его мнению, проблема заключалась в том, как определить мотив такого тяжкого убийства, который поняли бы присяжные. Какой человек, находясь в здравом уме, решился бы совершить столь чудовищное злодеяние?

На это и рассчитывали адвокаты. Они постоянно напоминали о том, что, по словам Эли, смерть была «случайной», и без конца намекали на невменяемость подзащитного. Психиатры, обследовавшие подозреваемого по распоряжению адвокатов, предположили, что Эли страдал расщеплением личности. Он позабыл сообщить сотрудникам службы безопасности воинской части, которые допрашивали его в первый же день, что, по-видимому, в ночь гибели Сюзанны Коллинз он сочетал в себе сразу три личности: самого себя, женщины Билли и Смерти, скачущей

верхом на лошади рядом с машиной, в которой ехали Седли и Билли.

Уильямс связался со специальным агентом Гарольдом Хэйсом, координатором работы по определению профиля личности из мемфисского отдела ФБР. Хэйс описал Уильямсу концепцию убийства, вызванного физическим влечением, и сослался на мою статью, подготовленную в соавторстве с моим коллегой Роем Хейзлвудом, опубликованную пять лет назад в «Правоохранительном бюллетене ФБР» и озаглавленную «Похотливый убийца». Хотя слово «похоть» в подобных делах выглядит не совсем уместным, в статье описывалось то, что мы выяснили в ходе расследования серийных убийств — омерзительных преступлений на сексуальной почве, связанных с манипулированием, властью и контролем над жертвами. Убийство Сюзанны Коллинз внешне выглядело классическим образцом — преднамеренное действие, добровольно совершенное психически здоровым человеком с расстройствами характера: например, он, зная разницу между тем, что плохо и что хорошо, не применил это нравственное разграничение к самому себе.

Уильямс попросил моего совета в разработке стратегии обвинения и в том, как убедить суд присяжных, состоящий из двенадцати добропорядочных мужчин и женщин, которые, вероятно, и не сталкивались в жизни с подобным злом, в том, что моя версия случившегося более вероятна, чем версия защиты. Прежде всего мне пришлось объяснить команде обвинителей то, что я и мои коллеги усвоили за долгие годы борьбы с насилием с точки зрения определенных типов поведения преступника, а также назвать истинную цену, которую мы были вынуждены заплатить за это знание.

Мне пришлось взять их с собой в мое путешествие во мрак.

Погружение во мрак

В начале декабря 1983 года, в возрасте тридцати восьми лет, я потерял сознание в номере отеля в Сиэтле, занимаясь расследованием убийств, совершенных близ Грин-ривер. Двоим агентам, которых я привез с собой из Квонтико, ничего не оставалось, как выломать дверь, чтобы прийти мне на помощь. Пять дней я пребывал в коме между жизнью и смертью, находясь в отделении интенсивной терапии Шведской больницы. Эта вспышка вирусного энцефалита была вызвана острым стрессом: я расследовал тогда более 150 дел одновременно, и исход каждого зависел от меня. Никто не верил, что я выживу, но я чудом уцелел — благодаря высококвалифицированной помощи медиков, любви моих родных и поддержке коллег. Месяц спустя я вернулся домой в инвалидной коляске, а к работе смог приступить только в мае. И все это время я боялся, что перенесенная болезнь помешает мне стрелять так, как полагается по стандартам ФБР, и, следовательно, приведет к окончанию моей карьеры. Подвижность левой стороны тела у меня нарушена и по сей день.

К сожалению, мой случай не уникален среди людей нашей профессии. Большинство коллег, работающих вместе со мной аналитиками профиля личности или криминальными аналитиками во вспомогательном следственном отделе, страдают от тяжелых стрессов профессионального характера или заболеваний, которые нередко выводят их из строя. Набор проблем весьма широк — неврологические расстройства вроде моего, боль в груди, рубцы на сердце, язвы, желудочно-кишечные заболевания, тревога и депрессия. Начнем с того, что работа в правоохранительных органах печально известна избытком стрессовых ситуаций. Уже дома, приходя в себя после болезни, я

много размышлял над тем, что же в нашей практике вызывает тот острый стресс, от которого не страдают другие агенты ФБР, детективы и полицейские, хотя и сталкиваются с физической опасностью почаще нас. По-моему, ответ кроется в услугах, которые мы предлагаем. В организации, издавна известной своей ориентацией на «только факты, мэм», мы, вероятно, являемся единственной группой, которую интересует мнение. Однако нам пришлось ждать смерти Дж. Эдгара Гувера, прежде чем психологию наконец-то признали законным орудием в борьбе с преступностью. Еще долго после создания программы анализа профиля личности преступника в Квонтико многие из наших коллег в Бюро и вне его считали нашу работу колдовством или черной магией, которой занимается жалкая кучка шаманов на глубине шестидесяти футов под землей, куда никогда не проникает дневной свет.

И хотя на основе наших заключений решаются вопросы жизни и смерти, мы не можем позволить себе роскошь подкрепить их реальными фактами, не можем в утешение привести принцип черного и белого.

Если офицер полиции ошибается, это означает, что преступление может остаться нераскрытым, но обстоятельства не сделаются хуже, чем они есть. А к нам часто обращаются в качестве последней инстанции, и если мы ошибемся, то уведем следствие в совершенно иное, непродуктивное направление. Поэтому мы должны быть полностью уверены в своем мнении. Но наш инструмент — человеческое поведение, а поведение человека, как любят уверять психиатры, отнюдь не точная наука.

Одна из причин, по которой полиция и правоохранительные органы со всей территории США и многих других стран мира обращаются к нам, состоит в том, что у нас есть опыт, которого нет у них. Подобно специалисту-медику, повидавшему гораздо больше случаев редкого заболевания, чем любой терапевт, мы обладаем преимуществом — знанием национальной и международной информации, и, следовательно, способны уловить различия и нюансы, которые, возможно, ускользнули от местного